

ПЛОЩАДЬ СОЛОВЕЦКИХ ЮНГ

Константин Александрович Уткин

Площадь Соловецких Юнг

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7064411

Площадь Соловецких Юнг / Уткин К. А.: Авторское; 2009

Аннотация

...Запоздалый смотрел на него беспомощно, часто смаргивая слезы, но не противился и прошаркал до кабинета, и уселся в кресло, и невидяще уставился экран...

– Ну, читай... вот это читай...

Запоздалый шевелил губами, повторяя чернеющие на экране столбцы строк...

– Хорошие стихи... чьи это?

– Да твои же!! Ты сам говорил – запаздывал я всегда, вот я тебе псевдоним и придумал – Запоздалый... ты не в обиде?

– Запоздалый? – горько усмехнулся старик, который смог взять себя в руки и, кажется, даже протрезветь... – да, Запоздалый... лучше и не скажешь... мои стихи, говоришь? Правда, похоже... только очень ранние... что-то у меня там такое было...да, было... а может, и не мои...

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Константин Уткин

Площадь Соловецких Юнг

Глава 1

Славик был рад подвернувшейся работе – даже не работе, а должности, ибо всю свою недолгую жизнь он проповедовал и доказывал верность собственным примером установке – где бы ни работать, лишь бы не работать. Одно время он мечтал о пожарной охране, вдохновленный рассказами друга, который, прослужив часть положенных двух лет в пожарной, принес на гражданку только самые лучшие про нее воспоминания. О тяжести пожарных нарядов – спишь перед нарядом, спишь во время полетов, спишь после наряда – в основном. Но так же он рассказал и о пожарах. Особенно живописал вспыхнувшие во время морозов боксы с аэродромными машинами, и как пришлось проливать черные дымящиеся руины при сорокаградусном морозе – когда не сгибались оледеневшие рукава и струя воды падала на уголь уже наполовину замерзшей... Вот это Славика как-то не впечатлило. Так же очень не хотелось вытаскивать из огня замерзших в позе боксера людей, не хотелось случайно оказаться под прогоревшей рухнувшей кровлей...

Так что служба в пожарной охране отпала сама собой. Из

должностей, максимально подходящих под девиз всей жизни Славы, оставалась милиция – но к такой службе он, потомок советских лагерников, испытывал какое-то настороженное, брезгливое отвращение. Умом понимая, что нельзя всех грести под одну гребенку, что везде и всегда существуют порядочные люди и все-таки их больше, он не мог не поддаться разгулявшейся в стране уголовной вакханалии. Братва, опьянев от легких денег и запаха крови, проливающейся еще более легко, с бычьей прямоотой навязывала испуганному обывателю свое мировоззрение – и если старшее поколение, ошеломленное скоростью, с которой развалился казавшейся вечным гигант, прильнуло к экранам и тихо спивалась, молодежь принимала воровскую культуру с восторгом.

Слава не хотел участвовать в грызне возле жирных кусков; одновременно не желал и вкалывать от гудка и до гудка – как всю жизнь пахали его избежавшие лагерей предки. Да, собственно, и пахать то уже было негде – огромные территории заводов покрывались березовой порослью, между тоненьких стволов ржавели остатками чудовищ тонны металлолома, в цехах гнездились птицы. Заводы тоже выживали, как могли – помещения сдавались все той же братве под склады и конторы – однодневки, в бывших раздевалках селили хохлов и азиатов, приехавших на заработки.

Можно было пойти по излюбленному синими воротничками пути и стать учителем – самая нетворческая из всех творческих профессий прекрасно кормила, пока страна бы-

ла в силе. Но беспальный алкоголик с перебитым носом скорешился с молодым заокеанским развратником – и послушно выполнял команды молодой, но зажавшейся и обнаглевшей страны по уничтожению собственного отечества. Колосс, действительно, оказался на глиняных ногах – но ликующим буржуйам оказалось мало уничтожения опасного для них строя, для полной победы понадобилось уничтожить само население великой страны.

Подонки, олицетворяющий продавшиеся дяде Сэму круги, сделал все, о чем его просили – легким движением изуродованной руки лишив страны будущего, здоровья и безопасности. За гранью нищеты оказались врачи, учителя и военные. Люди, отвечающие за моральное здоровье детей, за здоровье граждан и безопасность Родины были в буквальном смысле слова выброшены на помойку – и Запад ликовал.

Так что не было возможности у Славы найти свое место в жизни – и он бы спился тихо-благородно, если братву, так широко и весело погулявшую в девяностые, не принудили к легальности. Крепыши в малиновых пиджаках прекрасно знали, с кем можно спорить, с кем – не стоит, и согласились. В конце концов, не всю же жизнь вышибать деньги из ларечников? Пора остепениться.

И при этом братва даже не стала напрягать мозги для того, чтобы выйти из тени на свет – они просто, официально зарегистрировавшись, стали делать то, что делали всегда. Брать деньги, предлагая охрану. И бизнес расцвел пышным цветом

– все знали, что охрана – суть братва, а братва – суть бандиты, но они где-то в стороне пьют водку и нюхают кокс. Они за занавесом, а на сцене – молодые неудачники и осколки прошлой эпохи, те, кого страшное время разрушения лишило привычных основ. Для них закуплена форма и выданы дубинки, разработаны инструкции и графики.

В охрану потянулись всякие пьющие неудачники, вроде Славика – каждый мог рассказать о судьбе-злодейке, которая с озлобленным упорством подталкивала несчастного человека все ближе и ближе к краю, за которым только вечный сумрак и бесчисленные поколения предков. В охране очутились и учителя. График сутки – трое и спокойная, по сравнению со школьными буднями, служба, а главное – регулярная и даже не очень маленькая зарплата оказались спасательным кругом в мутных водах стихийного накопления капитала.

При этом все – даже непосредственное начальство – отнеслись к своим новым должностям с пренебрежением. Каждый был уверен, что охрана – это временно, что пройдут плохие времена и правительство, поняв, что не все ценности помещаются в утробу, оценят специалистов по достоинству...

Ну а пока что охрана сравнила всех – и командира подводной лодки, который после суток, перед тем, как отправится домой, по въевшейся в кровь привычке начисто выскабливал лицо, и начинающего рок-музыканта, который, чтобы соответствовать имиджу гордого охранника, вынужден был кудрявую гриву опущенных ниже плеч волос под шапку или

берет.

Славик не сильно переживал, кочуя по разным охранным фирмам – хотя у него, пожалуй, в отличие от остальных коллег поводов для грусти могло бы быть больше.

Рок – музыкант, к примеру, не секунды не сомневался в своем блестящем будущем. Работа в охране явление неприятно, но временное, на которое можно не обращать внимания, и уж тем более не расстраиваться. Командир просто спокойно и достойно встречал свою старость – у него все было позади, и этим прошлым он заслуженно гордился. Несколько учителей, с которыми в разное время приходилось общаться Славику, пару раз под водкой проговаривались, что тоскуют по сумасшедшим школьным будням – но вернуться, как только государство станет нормально платить.

А вот Славику возвращаться было некуда; горизонты его жизни, даже в самом далеком далеке, не слепили славой, не были голосами обезумевших поклонников, не отсвечивали застывшей бронзой. И поэтому он скромно кочевал из одной охранной конторы в другую, тем более что, в принципе, условия везде были одинаковые – сутки – трое и не пить в дневное время. Остального от охранников и не требовали. Конечно, на бедрах оттягивали ремни тяжестью страшноватые черные дубинки, пачкающие руки – но когда один из охранников продал ее за две бутылки паленой водки в ближайшем ларьке, это орудие труда почли за лучшее пря-

тать в сейфе.

С той дубинкой вообще вышла неприятная история. При отсутствии спецсредства пришедшая смена отказалась заступать на дежурство, протрезвевший охранник, проклиная свою неумемную алкогольную жажду, помчался в ларек. Ему вполне обоснованно объяснил горячий хозяин – ты дубинку продал? Продал. Так чего тебе еще надо?

Охранник потребовал еще одну бутылку, и хозяин, решив обойтись малой кровью, выдал ее... Ну да. Охранник выпил спасительное зелье прямо тут же, за углом ларька, после чего просто вошел в хлипкий сарайчик из стекла и пластмассы и обменял черную палку на хороший удар по морде. Походя прихватил еще пару бутылок – в виде моральной компенсации – пошел сдавать смену.

И ведь сдал!! И сел с не выспавшимися корешами в заборчике вокруг больницы (забыл сказать, что они охраняли больницу.) Именно в заборчике – в пролом было аккуратно поставлено два ящика, так что они были и на территории больницы (это чтобы не пить на улице, если достанут менты) и вне ее – это чтобы не подводить собратьев-охранников.

И вот сидят они так спокойно, радуются жизни, и вдруг видят, что в ворота – а тогда еще проезд был свободный – заруливает страшный черный джип и крепкие пацаны в черных куртках вразвалочку заходят в приемное отделение.

Отработавшие свое бодигарды выпили еще по стакану и стали с невинным любопытством наблюдать, что будет даль-

ше. А дальше долго, очень долго не происходило ничего. В окошко было видно, как метались какие-то тени за стеклами, темные коренастые тени, потом сустились тени белые...

Потом приехали еще четыре машины, из одной вылез испуганный хозяин с опухшей и сдвинутой на одну сторону физиономией, который, судя по всему, сам был не рад этой своей покупке (Видал? Это я его так!! – Правильно, их, торгашей, давить надо). Самое странное, что в эту же машину погрузились два первых братка с наглухо загипсованными руками. Третий остался в больнице. (А этих, в гипсе, тоже ты? – Нет, не успел) Еще через десять минут все мирно разъехались...

Удивительно, что неприятная история как-то сама по себе замялась. Дурака, торгующего собственностью охранной фирмы, скоренько уволили, не оплатив месячный труд – точнее, продолжительную пьянку. Заодно ушли и тех, кто был с ним в одной смене. Дубинки и перцовые баллончики стали запирать в сейф, лишь демонстрируя при сдаче смены – не месте, еще не пропили.

Про ту больницу Славик часто вспоминал с ностальгией – золотое времечко. Ну где еще был возможен такой диалог? «Что делать, блин... – Как это что? Работать, мы же на работе... – Да не могу я больше спать!!!» Где еще вечер обычного дежурства превращался в катящуюся, словно снежный ком, по этажам пьянку? Когда начинали скромно и мирно, среди щеток и швабр санитарки, а заканчивали в мягких креслах

главврача? Где еще сидели у костра в золотом больничном осеннем парке, делая шашлыки после отъезда проверяющего? А коньяк под шашлычок принес счастливый отец. Принес по ошибке, спутав телефонный номер больницы с номером роддома – санитарка забрала коньяк, забрала цветы, взяла триста рублей (часть из них и пошла на шашлыки) и отправила папашку восвояси. Он еще бы побродил под корпусами, заглядывая в окна и удивляясь, что не видно счастливых мам с новорожденным – но охрана вежливо, но твердо взяла его под локотки и вывела за забор. Не подозревая, кстати, об афере, которую устроила санитарка, старая зечка. Конечно, все выяснилось, когда позвонила обиженная жена – но это уже другая история. А под коньячок с шашлычком на работе все тогда посидели очень даже неплохо.

Странно – вроде ничего особенного не было, ни взлетов, ни каких-то провальных неудач, жизнь катилась товарным вагоном – но все эти вечера вспоминались все чаще и чаще. Может, потому, что тогда Славик впервые почувствовал этот неслышно и постоянно обтекающий его поток.

Он полюбил ночные бдения – и когда сослуживцы, даже не пытаясь продрать налитые свинцом веки, валились кто куда, Слава сидел по первых рассветных полутонов, прихлебывая крепкий, вяжущий язык чай и не обращая внимания на загнанное сердце.

Ему казалось, что сам город меняется со спящими людьми, что сквозь угловатые глыбы зданий начинает про-

глядывать что-то, невидимое днем.

Хотя ничего конкретного об этой своей странной склонности он даже подумать не смел – ну нравилось ему сидеть над каким-нибудь журналом въезда-выезда автотранспорта и смотреть, как на мертвый, в фонарном блеске двор летят легкие искорки снежинок.

Охранники ценили эту его способность – когда бы не пришел проверяющий, всегда дежурил один и тот же человек, трезвый и спокойный, и на вопрос – где остальные? – можно было честно махнуть рукой на тела под бушлатами. Спят положенные четыре часа...

Из нескольких охранных фирм, где честным трудом зарабатывал деньги Слава, четыре посылали его на охрану больниц. В одной он пек картошку в углях и после спирта шарил по разгоряченных бедрам молодых медсестричек; в другой стыдливо молчал, когда из развороченного пулями Джипа вместе с потоком крови вываливалось мягкое тело, а другое тело, живое и свирепое, трясло пистолетом в одной руке и пачкой долларов в другой, требуя сохранить жизнь братану. Двое других охранников тоже молчали – перцовым баллончиком, каким бы ядовитым он не был, настоящие пули не остановишь.

Охрана, охрана... им вменяли в обязанность отвозить трупы, пытались заставить мыть полы, регулярно приглашали для переноски всяких тяжестей – хотя в этом случае, как

правило, расплачивались либо бумажной, либо жидкой валютой. Они стали неотъемлемой частью приемного покоя, знали все тонкости и сложности, помогали держать старика, когда у него брали спинномозговую пункцию, перекладывали с носилок на носилки людей со сломанными ногами, при случае могли по телефону проконсультировать о цене на аборт в зависимости от срока задержки, знали, на каком этаже дежурит какая сестра и кого к кому пропускать ночью...

Так или иначе, но в любой больнице охранник был таким же нужным человеком, как санитар – ну разве что полы все-таки не мыл и не отвозил больных на этажи в колясках.

Сюда же его – с двумя другими охранниками, привез начальник смены, высокий, сутуловатый, костистый, с постоянно бегающими глазами субъект. За сорок минут дороги он выкурил примерно пачку сигарет; и, приведя на объект, первым делом побежал в магазин за новой. Охрана, предоставленная сама себе, расположилась на стоящих в холле креслах и крутила головами, осматриваясь. Слава, как самый непоседливый, хоть и самый при этом спокойный, прогулялся до лестницы в три ступени и присвистнул восхищенно – в огромном стеклянном переходе стояли не менее огромные аквариумы с большими рыбами.

– Вот их мы и будем охранять – сделал вывод напарник со странным именем Кондрат, нервно разминая щеки желтыми от табачных смол пальцами. – Потому как старики на хрен

никому не нужны...

– Какие такие старики? – поморщился Слава – напарник дышал ему над плечом горячей смесью перегара и табака.

– Как это какие такие старики? – в свою очередь удивился тот – ты что, не знаешь, куда тебя привезли? В дом престарелых, раньше он назывался домом призрения. Будем тут, как сироты из «Двенадцати стульев», у старушек капусту съедать...

Теперь Славик не то чтобы сморщился, но весь перекосялся – он и в больнице – то, при ощутимой пользе, чувствовал себя непонятно кем, но кем он будет здесь? Хотя, пожалуй, понятно, кем. Как и положено, лодырем.

Пришел начальник смены, откашливаясь после двух выкуранных на ходу сигарет, и, косясь куда-то в стену, начала давать инструкции.

– Вот ваш объект. Что вы должны делать? Следить за появлением не территории дома престарелых посторонних...

– Престарелых? – влез Слава, поскольку начальство запнулось, раздумывая, закашлять или нет.

– Нет, посторонних всяких мужчин и женщин. Короче, когда бабушкам и дедушками приносят пенсию, сыночки и дочки вдруг вспоминают, что у них тут есть родные люди, приходят и обчищают до нитки. Алкаши, что с них взять. Ну и хулиганье тоже часто встречается. Задача – гнать в три шеи всех посторонних.

– Чем?

– Что?

– Гнать чем? Этими... Тряпками?

– Какими еще тряпками? – забыв про кашель, уставился на наглого Славу начальник.

– Ссаными – понизив доверительно голос, сообщил Славик. Кондрат рядом хрюкнул и, чтобы скрыть смех, начал трубно сморкаться. Как ни странно, но начальство не возмутилось, а наоборот, смутилось.

– Да, я понимаю, что надо вас обеспечить и формой, и спецсредствами, но этот объект у нас недавно открытый, новый, и пока нет возможности создать нормальные условия для работы. Ладно, приступайте, сегодня я уже не приеду...

С этими словами странный начальник, так ни разу и не посмотрев в глаза своим работникам, пожал руки и вприпрыжку вылетел на улицу, где возле машины мялся еще один бедолага – бодигард. Его надо было отвезти на другой объект.

Славик с Кондратом уставились друг на друга, потом Слава пожал плечами.

– Я так понимаю, что работа у нас началась?

– Вот какие условия, такая и работа будет – зловеще сказал Кондрат. Он вообще вел себя нервно – промокал платочком выступивший на лбу частый пот, складывал платок дрожащими руками и убирал в карман, чтобы через секунду достать его и вытереть уголки рта, часто моргал, жалостливо поглядывая на Славу.

– Да уж – Слава делал вид, что не замечает страданий на-

парника – странное у нас начальство какое-то. Привез, побегал, ничего не объяснил, где шкафчики, где форма, где дубинки... как нам нарушителей пугать? Одним своим видом, что ли? Да не напугаем...

– Конечно, никого и никогда нам напугать не удастся – подхватил Кондрат, вытирая платочком плешь – кто мы такие? Клоуны мы с дубинками. Здесь без дубинок... солидные люди солидные деньги делят, а мы захребетники, не черта не делаем, и только деньги сосем...

– Так и деньги небольшие – возразил Слава, который ждал перехода к основному вопросу и был удивлен таким ответвлением от темы. Сейчас должна была возникнуть проблема, и ее сразу надо было решить.

Кондрат затравленно оглянулся – вдоль низких, почти до пола стеклянных стен стояли пустые кресла, на другой стороне в подсвеченных аквариумах плавно переливались диковинные рыбы. Из конца перехода тянуло подгорелым омлетом – и возле двери в столовую уже стали собираться старухи в кофтах и домашних шлепанцах.

– А кормить нас тут будут? И закусон нужен – сделал пробную заброску Кондрат. Славик улыбнулся. Ну вот, началось... Он доверительно обнял Кондрата за костлявые плечи ласково проговорил ему куда-то в щеку.

– Слушай, Кондрат. Внимательно слушай. Я тебя уважаю. Я русский. Я здоровый. И я не пью. Ни с кем, никогда, ни при каких условиях, событиях и причинах. Ни под какую закус-

ку, никакие напитки. Повторяю – я не употребляю спиртные напитки, то есть не пью.

Кондрат сделал попытку вырваться, но его плечи словно охватила железная скоба, и он уперся Славе в грудь ладонями.

– Все, я понял. Ты мне сейчас плечи сломаешь, а выглядишь интеллигентом...

– Ошибка – убедил его Славик, отпуская. – Ошибка. Никакой я к чертям собачьим не интеллигент...

– Да уж – согласился Кондрат, озадаченно массируя щеки – какой уж из тебя, непьющего, интеллигент... смех один...

Он все смотрел на Славу, озадаченный этим вопросом. Охрана диктовала определенный образ жизни. Даже непьющий человек во время дежурства пил... просто потому, что не мог не воспользоваться возможностью. Ни один взрослый мужчина не сможет целые сутки ничего не делать. Ребята из пригорода, с которыми Славе довелось работать в одной больнице, пили каждую смену, честно говоря, что на такой работе они отдыхают. Дома – огород, хозяйство, машина и прочие радости жизни. Жены, с которыми хочешь не хочешь, а приходится считаться. Да и время сейчас не то, чтобы тратить его на выпивку. Те, кто предпочел жить по старому, давно уже смотрят на земную суету из других миров. Так что крепкие подмосковные мужички выработали определенный режим, график – день похмелья, два дня надежной трезвости, и на четвертый, на работе, сам бог велел...

Слава не отставал от коллектива, и только природное здоровье помогало ему поддерживать к пересменке вертикальное положение.

Он пил не как все, а хлеще. Он пил на работе, он пил после работы, он пил перед работой. Он каждый день тянул горький желтый пенистый напиток, помня, каким дефицитом тот был в советские времена – хотя что тогда дефицитом не было? Соль?

А когда пиво не помогало избавиться от тоски, приходилось брать чекушку – сорокаградусный раствор этанола бил по мозгам не хуже деревянной кувалды, и тоска, конечно же, куда-то испарялась, чтобы с похмелья навалиться с утроенной силой.

Слава хорошо помнил свое пьяное прошлое. И не хотел его возвращения. Поэтому он опять пристально посмотрел в слезящиеся глаза напарника, который скис и потух, и даже стал казаться ниже ростом и приглушенных басом подтвердил.

– Можешь считать, что я болен, может считать, что я защит – если это тебе доставит удовольствие и успокоит твою душу. Но пить я не буду не только с тобой, но ни с кем и никогда, и мне хочется, чтобы ты это уяснил.

– Уяснил, уяснил – пробормотал Кондрат, отворачиваясь от странного парня. Смена была потеряна, он к этой мысли постарался привыкнуть.

– А вот ты можешь выпить. – спокойно, без нажима про-

должил Слава.

– Как? – поднял торчащие какими-то проволочками брови Кондрат – Я что, один буду?

– Ну почему один. Со мной. Я охотно посижу с тобой и поддержу беседу. Мне, знаешь ли, тоже приятно общаться с умными людьми.

Кондрат косился на него, гадая, где тут подвох, но Слава улыбнулся так откровенно, что кадык страдающего дяди дернулся слышим звуком.

– ТО есть ты хочешь сказать, что ты пить не будешь, а посидеть со мной посидишь? Так что ли?

– Посижу... а ты что, брезгуешь сидеть с трезвым человеком?

Кондрат смотрел на него, и видно было, как борется в нем алкоголик и трезвенник. Но уже через минуту стало ясно, кто сильнее.

– Да нет, отчего же брезгую... хороший человек он и трезвый хороший, такое тоже бывает... только вот денег у меня не очень, я, честно говоря, рассчитывал на...

Тут он потер воздух желтыми от никотина пальцами...

Слава усмехнулся и без разговоров выдал ему искомую сумму. Работа началась... да здравствует работа!!

Кондрат испарился – Слава, выйдя на крыльцо интерната, увидел его за забором, а рядом – машущую рукой вдаль потрепанную личность.

Слава усмехнулся – все шло по накатанному пути. Скоро

его напарник вернется, и в его суетливости уже будет проследиваться вполне определенная цель. Он сядет за столки возле шкафов, в которых обнаружили засаленный форменные куртки с эмблемами неведомого ЧОП.

Он поставит черную от чайного налета кружку на стол – с дрожащей рукой наполнит ее до половины. Морщась и передергиваясь, он опустошит ее и, закрыв глаза, будет прислушиваться к своим ощущениям. А вот когда веки поднимутся замедленно... это будет уже другой человек.

Пока напарник бегал за лекарством, Славик прогулялся по территории. Вдоль асфальтовых дорожек темнели стволы темных кленов, за ними среди зарослей глухого бурьяна раскидывали корявые ветви старые яблони. Заметив пожелтевшие утоптаные стебли на тропинке, Слава пошел по ней, зная, что увидит – и действительно, вокруг деревянного ящика в центре пятачка валялись пустые бутылки, окурки и шкурки перекрученных презервативов.

Возле входа сидели старики – Славику стало неловко под равнодушными, но цепкими взглядами выцветших глаз. Его никто ни о чем не спрашивал. Толкнув тяжелую стальную дверь, Слава вернулся в холл.

Да уж, охрана – ад для трудоголика. К тому же такая охрана. Надо охранять – но вот что, неясно. От кого, тоже. Будет удивительно, если за такую работу будут платить – пусть даже самые смешные деньги.

Слава еще раз прошелся по холлу, дивясь на огромные ак-

вариумы – рыбы, которые при его приближении медлительно подплывали к стеклам, точно были пойманы не в водоемах средней полосы.

Мимо энергичным и широким шагом пронеслась женщина лет тридцати, с грубоватым лицом под шапкой соломенных коротких волос. Она была в ярко-синем спортивном костюме, овчинной безрукавке и тапочках на босу ногу. Покосившись на Славу снизу, она потешно сморщила короткий нос, фыркнула и продолжила движение, начав заметно крутить бедрами.

Звонкие шлепки ее тапок почти добрались да лестницы на верхние этажи, как вдруг затихли, и по холлу раскатилось это визгливого голоса.

– Ах ты потаскуха, блядь проклятая, что ты там опять сидишь? Ты е... хочешь, гадина? Ты опять к охране стала таскаться? Проститутка, проститутка, проститутка... Шлюха!!

Слава скроил удивленную мину – тетка в душегрейке стояла совершенно одна в пустом коридоре, уперев руки в бока, смотрела налево и орала так, что брызгала слюна... но ей никто не отвечал, и дама затихла. Посмотрела только на Славу с непередаваемым выражением возмущения и кокетства, дернула плечами и пошла, совсем уже гротескно раскручивая зад.

Слава с ухмылкой поскреб затылок – да уж, всюду жизнь. Последний раз окинув взглядом подсвеченные округлые емкости, которые придавали затрапезному холлу какой-то кос-

мический вид, новоиспеченный охранник двинулся к гардеробу, где старший смены отвел им место дневной дисклокации.

Кондрат, как и Славик и рассчитывал, не терял времени даром. На столе гордо темнела остывшей заваркой литровая банка, стояли разномастные кружки с отбитыми ручками и сладости к чаю – наполовину обломанный круг подкопченной колбасы, банка маринованный огурчиков и неряшливо нарезанные куски черного хлеба. Из кружек несло таким суррогатом, что Слава не удержался от гримасы.

– Ну и что ты рожу корчишь? Непьющий, тоже мне, фон барон. Вот обязательно надо хорошим людям настроение испортить...

– Да ладно тебе – Слава бы настроен миролюбиво – Ты под градусом, жизнь налаживается, что бухтишь? Настроение я людям порчу... и давно ли ты стал о себе во множественном числе говорить?

И вот тут Слава осекся, потому что, действительно, Кондрат был не один. За столом возле окна примостилась глазастая черноволосая девушка. Опешивший от неожиданности Славик заметил только блестящие смехом черные глаза и рассыпанные по плечам отливающие вороним блеском волосы.

– Вот так, Света, ты посмотри на элиту охранной деятельности – к нам нимфа, можно сказать, с небес спустилась, а он не только ничего вокруг не замечает, он еще и ее не заме-

чает... куда охрана катиться? А между прочим, ты именно ее должен беречь, как зеницу твоего позорного трезвого ока.

– Вы Света? – взял маленькую теплую кисть сраженный наповал Слава и прикоснулся к ней губами. Девушка порозовела от удовольствия и быстро ответила.

– Да, Света, очень приятно, а вас как зовут?

– Вячеслав... да просто – Славик. А каким счастливым ветром...

– Меня сюда родные сдали.

Слава, не зная что ответить и как реагировать, сел на расшатанный стул и брякнул.

– Очень приятно...то есть, очень приятно познакомиться, а не то, что вас сюда... как это понять – сдали?

– Я – калека.

– В смысле?

– Как это – в смысле? Я калека в смысле калека. Вот – она указала за спину и Слава, немея от неловкости, увидел коричневые, с облупившейся краской костыли. – Детский церебральный паралич...ну, не очень сильный. Я хожу на костылях. Я даже бегала. Одно время занималась бегом.

– С костылями?

– Нет – просто улыбнулась девушка – бегала без костылей. Так же, как вы бегаєте, но медленно.

– Ну ты даешь... – Выдавил Слава и впервые за много лет пожалел, что не может выпить. – ну, молодчина. Вы давайте... если хотите, выпейте.

– А вы? – спросила Света и Славик заметил, что глаза у нее уже затуманились таким медлительным блаженством.

– Ты.

– Хорошо... ты выпьешь с нами?

– Свет, честное слово, знаешь, как надоело объяснять всем, почему я не пью?

– Нет, не знаю...

– И не узнаешь никогда – усмехнулся Слава – потому что тебе я это тоже объяснять не буду. Прими как данность – я просто не пью. Слепой Пью, я не пью...

– Ни в праздники, ни когда плохо?

– Да, и в праздники хожу трезвый и веселый, и когда плохо, вою, как собака, но не пью.

Света только пожала плечами на такое странное поведение взрослого здорового человека.

Кондрат уже свернул крышку выуженной из – под стола бутылке и щедро лил в кружки.

Они стукнулись со Светой кружками и Слава тоже – кулаком.

Вдруг Кондрат прекратил сотрясать воздух угрозами, а Света, покосившись в сторону входа, уже привычно фыркнула в кулачок. Возле широкой доски, на которую некогда гардеробщицы клали выдаваемые вещи, стоял высоченный старик. Белоснежные волосы были зачесаны назад, открывая морщины на высоком лбу, брови же, похожие на клочья ваты, почти скрывали выцветшие глаза. Кожа висела складка-

ми под мощным подбородком, висели плечи вытертого пиджака, который когда-то был по размеру.

– Молодые люди, я приношу вам свои извинения, но вы не могли бы мне ответить на один вопрос?

Кондрат, делая странные движения головой, попытался встать, сдвинул с грохотом стол и рухнул обратно на стул, с трудом удержавшись от падения. Света уткнула голову в руки и плечи ее тряслись от сдерживаемого хохота. Старик, похожий на питона Каа из советского мультика, оценил состояние этих двоих и перевел глаза на Славу.

– Да – избавившись от оторопи, максимально вежливо ответил тот – чем могу служить?

– Скажите, будьте так любезны, сегодня почты не было?

Слава, подняв брови непониманием, посмотрел по сторонам и, не обнаружив не газет, ни писем, вообще ничего, виновато ответил.

– Нет, как видите, вообще никакой никому корреспонденции нет.

– Письма? – жалобно проговорил старик – Письма сегодня не приносили?

– Нет, но сегодня первое мое дежурство... может быть...

– Благодарю вас.

Старик удивительно легко для его возраста и громоздкости, повернулся, зашагал по холлу легко и бесшумно.

– Это что? Это кто такой? – спросил Слава девушку – Кондрат уже спал, чудом не падая со стула и уронив безвольную

голову на грудь.

– Да откуда я знаю, кто это? – вдруг выкрикнула Света и подняла распухшее и мокрое от обильных слез лицо – откуда мне знать, что это за дед? Письмо он ждет от сына, каждый день сюда приходит и спрашивает, есть ему письмо или нет... сынок его сдал в дом престарелых, а отец письмо ждет и ждет... а как его зовут, я не знаю... я что, должна всех этих дедов и бабок знать? Я не ровесница им, мне они не интересны!!!

Несколько секунд она боролась с судорожными всхлипами, потом смогла сказать.

– Дай сигарету...

– Здесь можно курить? – спокойно удивился Славик. Его спокойствие на девушку подействовало отрезвляюще. Она набрала в грудь воздуха и замерла, опустила веки, потом шумно выдохнула.

– Бывает... извини... нет, курить здесь не стоит. Надо на улицу выйти... господи, как они мне все надоели, если бы ты знал. Знаешь, что мне соседка говорит?

Слава коротко мотнул головой, показывая, что не знает, и взял за худой локоток, помогая Свете встать.

– Она говорит, что я такая же, как они... как старики... такая же...

– Дура она старая – серьезно и спокойно резюмировал Слава – какая же ты такая, как они? Ты молодая и красивая. Пойдем на крыльцо, там посидим, воздухом подышим...

отравой.

– А время? – шмыгнула Света распухшим носом.

Слава спросил – а что время? – и посмотрел на часы. Действительно, двадцать три...

– В это время ребята до вас двери закрывали и никого уже не впускали. И не выпускали. Меня тоже не выпускали. Покурить.

– Плевать. Пошли. Надо воздухом подышать...

Слава прошел вперед, не собираясь мешать калеке помощью. Надо будет, сама попросит. Света посмотрела на него с благодарностью, обвисая на костылях и вполне уверенно продвигаясь к ступенькам.

Предзимье встретило их робким морозцем; Слава, спохватившись, принес два бушлата с выцветшими эмблемами охранного предприятия на рукавах. Света уже сидела на скамье у стены, и почти исчезла под наброшенным на плечи ватником. Славик отказался от протянутой сигареты – вот еще, за свои деньги дышать смрадом – и Света закурила, неумело держа и неумело затягиваясь.

– Да ничего, в общем, трагичного – произнесла она, когда молчание стало тяготить. – Жила я хорошо, пока папка был жив. Все меня любили, он любил больше всех. А потом он умер. Сердце не выдержало.

– И тебя сюда...

– Да, и меня сюда сдали. Я их не виню – торопливо уточнила Света. – зачем им калека? В квартире и так тесно. День-

ги я зарабатывать не могу. Пенсия маленькая. Калитку надо закрыть.

Продолжила она без всякого перехода.

– Всякая мразь сюда ходит. Водку пьет, старух грабит.

– Чужих старух?

– Сначала своих, потом и чужих. Тут до вас ребята работали, так они с этими гадами тоже пить начали. Директор их сразу уволил. Как только узнал.

– Крутой у вас директор... кто он?

– Бывший военный. – Света докурила, выкинула прочертившую дугу алую точку и тут же стала разминать дрожащими пальцами другую сигарету. – Он очень хороший человек. Командовать, правда, любит, но это привычка. Мы же здесь не можем жить, тут же дом престарелых, а мы просто калеки.

– Вы? Ты тут не одна такая?

– Нет, не одна. Есть еще семейная пара колясочников. Мне еще повезло, я ходить могу. А они только ездят. Зато у них денег много.

– Откуда у колясочников деньги?

– Они эти... экстрасенсы. Привораживают, будущее предсказывают. К ним народ ходит.

– А ты?

– А что я? Они меня не любят. Вот Любка меня тоже не любит. Кричит всегда, что я блядь.

Слава повернул голову и увидел, как она косится на него блестящими глазами.

– Любка – это такая коренастая, в душегрейке и спортивном костюме?

– Ага. Она тоже к охране ходит. Книжки пытается выменять. Только наши охранники книги не читали, они больше по водке да пиву, а она умную изображает.

– Ну и как? – спросил, стараясь преодолеть растущее напряжение, Слава.

– Что – ну и как?

– Получается охранников охмуривать?

– У нее – не очень. – Странно усмехнулась Света. А Славик молча высвободил из нервных пальцев пачку и вытащил сигарету.

– Иногда я себе позволяю – ответил он на удивленный взгляд Светы.

И замолчал, смакуя приятное головокружение после первой затяжки.

С табаком у него шла длительная, и уже привычная борьба. Сын алкоголика, Слава постоянно чувствовал неукротимую тягу к самоистреблению. Когда он пил, то пил по-черному, останавливаясь только после страшного отравления. Страдал потом, мучался угрызениями совести – только для того, чтобы при первом же подвернувшемся случае вновь напиться до положения риз. Потом появились боли в печени, потом – психозы без приема, до приема и во время приема алкоголя, провалы в памяти и множество прочих наград. Завязав с алкоголем раз и навсегда, он оставил для маленько-

го чудовища, разрушающего его изнутри, табак – самую бессмысленную и цепкую из вредных привычек. Сигареты, выкуренные сверх установленной им самим нормы, были поводом для самоедства, а так же – для занятий спортом. И Славик подозревал, что, допустим, польза от пробежек нивелирует вред, принесенный серым дымом... а вот если бы не даже не курил – посмеивался он иногда про себя – не было бы стимула заниматься своим здоровьем.

Они сидели, как в деревне на заваulinке, выпускали дым, который в холодном воздухе поздней осени пах как-то особенно терпко и даже приятно; за пиками тяжелого чугунного забора, по освещенному желтым светом шоссе с набегающим ревом проносились машины.

И когда огромное блестящее черным лаком чудищехватило их из темноты ослепительной белизной фар – Слава решил, что это случайность, что с минуты на минуту этот символ другой, никак не соотносящейся с домом престарелых жизни исчезнет. Вместе со своими долбящими басами, намордником из никелированных труб, сдержанно урчащей мощностью двигателя, полумраком в пахнущем кожей салоне...

Потом он проклинал себя – надо было сразу уйти в интернат, за надежную защиту стальных дверей, взвалить на плечо пьяненькую Свету, держа в одной руке костыли, а в другой – недопитую бутылку, закрыться на ключи и засовы...

Она бы приехала в другой день, в другую смену...но история сослагательного наклонения не знает, и соломку можно

не стелить – все равно падать придется в другом месте.

И Славик, ничего не подозревающий охранник, трезвый, как стекло, и абсолютно уверенный в себе, внимательно и равнодушно рассматривал двух вошедших в калитку людей.

Беглого взгляда ему хватило, чтобы потерять интерес к обоим представителям этой пары. Девушка был ниже среднего роста, белесая, с плотными ногами и не видной под джинсовой курточкой грудью; неприбранные промытые волосы тяжелыми волнами рассыпаны по плечам, на маленьких пальцах играют искорки в золотых кольцах. Дорогая простота – шлепнув этот ярлычок на невысокий лоб посетительницы, он перевел взгляд на ее спутника, но не потратил на его осмотр и секунды.

Мальчик – шаблон. Сначала будет предлагать деньги, потом переть буром, потом выть и кататься по земле – а на следующий день придут быки, в чьих ожиревшие загривки вдавлены собственной тяжестью золотые цепи, будут растопыривать коротки волосатые пальцы и гнусить понятия.

– Добрый вечер... вы не могли бы нас пропустить? Вы ведь охрана, я правильно понимаю?

Улыбка девушки открыла яркую даже в полумраке белизну зубов и обозначила ямки под уголками рта... Славик произвольно улыбнулся в ответ.

– Добрый вечер, но, боюсь, что я ничем вам помочь не смогу.

– Вы не понимаете... Виталику надо завтра уехать, и он

очень хочет повидать свою бабушку.

– Любимая бабушка? – уточнил Слава, и Виталик, долго-вязый, стильный, благоухающий дорогим мужским парфюмом, с нажимом ответил.

– А вам то какое до этого дело? Конечно, бабушка моя любимая, и мне будет очень тяжело пережить такую долгую разлуку.

– Вот, Светик, эти двое тоже страдают. И мучения их описать невозможно. Это Гамлет какой-то. Угрызения совести, зов крови... блинчики, пирожки... дальше тишина...

– Вы что-то имеете в виду? – негромко осведомился Виталик тоном, после которого следует удар в лицо, и Слава – сама вежливость – ответил.

– Только то, что пансионат для престарелых граждан сейчас закрыт в связи с ночным отдыхом контингента. Я вам понятно изложил? Приходите завтра, и общайтесь с вашей любимой бабушкой, сколько вам нужно будет.

– Я дурак! – вдруг хлопнула в ладоши и звонко рассмеялась девушка. – Вам деньги нужны? Виталик, дай доблестному охраннику денег. Вы же здесь не много получаете? Конечно, немного. Мы вас понимаем, все услуги должны оплачиваться. Желательно зелеными бумажками, желательно чаще и больше... во сколько вы оцениваете вашу лояльность к нам?

Славик с трудом оторвал взгляд от стильного ночного гостя – круглые очки, клочок волос под нижней губой, хряще-

ватый выдающийся кадык – и улыбнулся его спутнице.

– К красивым девушкам я лоялен всегда... чтобы в этом убедиться, вам достаточно придти в урочное время. В иных случаях я такого слова – лояльность – даже не знаю. И убедите ваши бумажки.

– Вы не возьмете доллары? Вам нужно евро? Здесь пятьсот долларов! Я думаю, что вы за два месяца меньше зарабатываете. И вы не хотите за такие деньги открыть нам дверь? Да любой нормальный человек нас бы на руках отнес к нашей бабушке и еще чай бы сварганил!

– Я здесь дежурю сутки через трое. А вот в остальные дни – вполне вероятно, любые нормальные люди вас на руках отнесут к вашей бабушке. Всем известно, что я не нормальный. Не суйте мне ваши бумажки, разворачивайтесь и уходите.

И все бы обошлось, если б не уверенность молодого человека в собственной значимости и весе, подкрепленной угрожающей глыбой автомобиля у забора. Он молча, скривив пренебрежительно губы, взял деньги из рук своей подружки, положил их на скамейку, придавил ополовиненной водочной бутылкой и шагнул к дверям. Девушка потрянула волосами, откинув их назад, посмотрела с улыбочкой на неподкупную охрану...

– Стоять!

Самое удивительное, что парень выполнил этот оскорбительный приказ. Он, успев только взяться за ручку, замер и изумленно покосился через плечо. Опыт подсказывал ему,

что даже самые неподкупные сторожа и вахтеры, будучи поголовно алкоголиками и тунеядцами, не могут устоять перед магической силой денег – значит, этот худощавый парень просто хочет слишком многого. Это уже наглость, а наглцов, как известно, надо учить, и учить жестоко. Он с брезгливой гримасой схватил охранника за грудки и, краем глаза заметив довольное лицо своей спутницы, и приподнял его, поднатужившись, в воздух.

– Ты не зарвался, парень, случаем? – спросил он медлительно, как в боевиках, страшным низким голосом. – Ты сколько хочешь за свою маленькую услугу?

Охранник висел в его руках, как мешок с тряпьем, и не делал никаких попыток освободиться. И парень не спешил его отпускать, наслаждаясь ситуацией.

– Так вот, на будущее тебе, чтобы знал, на кого холку поднимать – я сейчас заберу то, что должно было достаться тебе, и мы пройдем просто так. А ты будешь сидеть и ждать, пока мы сделаем все свои дела. Понял? – рявкнул он оглушительно и еще раз тряхнул охранника, так что у того лязгнули зубы.

– Конечно – отозвался Славик. Спектакль пора было заканчивать. – Конечно, я все понял. Жаль, что ничего не понял ты. Так вот, повторяю – для особо одаренный юношей. Поскольку я деньги не взял, то и ты со своей прелестью никуда не пойдешь. Точнее, пойдешь, пойдешь к своей навороченной машине, заведешь ее и быстренько уедешь. И уверяю

тебя, что ты это сможешь сделать самостоятельно, и домой доберешься, не заезжая в травмпункт. И запомнить, на кого нельзя губы морщить...

– Чтооооо? – заревел ночной гость – ты кому угрожаешь, тля, гондон штопанный? Да я тебя!!!!

И он размахнулся одной рукой, другой, выпрямленной, отодвинув наглеца подальше от своего лица...и правильно сделал, потому что охранник, не теряя времени, попытался ударить его. Голова парня невольно дернулась, рука, повернутая твердыми пальцами и движением плеча охранника, повернулась локтем вверх – и в следующую секунду в мире не осталось ничего, кроме оглушающей боли.

Когда же она слегка отступила, позволив вернуться мыслям и ощущениям, оказалось, что рука направлена вверх и зафиксирована, коленям холодно от ледяной лужи и возле глаз видны стесанные носки женских ботишков.

Парень, оглушенный, но еще не укрощенный, шевельнулся – и, проклиная эту идею, взыв, вжался лицом в асфальт.

Сразу пришло избавление – исчезла сила, давящая на локоть и выкрученное запястье. Постепенно возвращались звуки, возмущенная воркотня его подруги – а ее голос мог только мурлыкать, даже в разгар самого грубого скандала, бубнящий бас охранника, и резанувший по ушам фальцет молчащей до этого девушки с костылями.

Парень встал, согнувшись в пояснице, баюкая на весу больной локоть – и только пережитый шок помешал ему оце-

нить со стороны ситуацию. Калека, шипящая, как взбешенная кошка, пыталась достать костылем до белокурой головы визитерши – но попадала в основном по охраннику. Белобрысая же норовила взять со скамейки свои кровные деньги, всего лишь...

– Светка, хватит по мне долбить, имей совесть – кричал бодигард, уворачиваясь от мелькающего кругами костыля. И Света долбить перестал, начав вместо этого колоть как штыком. Гостя же, раскрасневшаяся, воинственно сверкая глазами, остановилась на безопасном расстоянии, уперев кулачки в бока.

– И что это такое? – промурлыкала она – пускать вы нас не хотите, моего друга, похоже, покалечили, да еще и деньги не отдаете!!

Славик, сообразив, наконец, из-за чего весь сыр-бор, схватил доллары чуть раньше, чем цепкая ручка Светы, получил костылем по бедру и выскочил из опасной зоны.

– И на хрена ты этим мажорам деньги отдаешь? Пусть, козлы, за моральный ущерб платят?

– Вот как? – с интересом спросила девушка, беря банкноты и небрежно пряча их в задний карман. – мы вам еще и заплатить должны? За шишку, которую она мне поставила, и локоть, который ты Виталику повредил?

«Интересная какая барышня – подумал Славик – похоже, она-то как раз совсем не обижается»

– Ничего страшного с вашим другом не произошло. Так,

слегка потянул связочки. А мог бы...

– А мог бы? – живо заинтересовалась девушка – что ты бы мог?

– Все, что угодно. Сломать руку в трех местах, ногу, шею, почки отбить и так далее... дурное дело не хитрое...

– О... так, может, правда, это мы вам должны за ваше великодушие заплатить? Я, так сказать, ваша должница? И если вы деньги не принимаете, может быть, в следующий раз мне с коньяком прийти?

– Приходите – пожал плечами Слава.

– С волейной я в следующий раз сюда приду... как я машину вести буду? Ммммм...

Простонал Виталик – бледный, в мокрых не только от лужи штанах, он косился на Славу с откровенным страхом. А вот девушка, казалось, с трудом сдерживала озорную радость.

– Ничего, Виталик, ничего, зайчик мой, я сама машинку поведу. Пусть твоя ручка заживет... сутки – трое, говорите?

Она села за руль, закусив губу, чтобы скрыть улыбку, резким взмахом отбросила назад волосы – и, неожиданно подмигнув Славе, включила зажигание.

* * *

И Славик постепенно втянулся в охрану дома престарелых – точнее, влился в неторопливый, медлительный, сон-

ный режим, растворился в потоке вязкого времени. Проблем не возникало никаких.

Правда, первые дни поварихи, которые одинаковы во всех государственных учреждениях, попытались было поднять шум из-за лишних ртов в их столовой. Но однажды Слава взял у директора ключи от черного хода – и к концу рабочего дня он, конечно же, оказался заперт. Поварихи, изощряясь в ругательствах, двинулись к парадному. А стоящие возле наглухо запертых стальных дверей молодцы с непроницаемыми лицами выразили желание поближе познакомиться с содержимым раздутых тяжелых сумок. Поварихи заорали было о неприкосновенности личности – на что охрана смиренно предложили вызвать наряд из ближайшего отделения.

После чего притихшие поварихи скрылись с охраной в пустующий гардероб и после непродолжительного осмотра пошли-таки домой.

И охранники легли спать не на пустой, как обычно, желудок.

Кондрат, вечно пьяный напарник Славы, расцвел на новом месте махровым цветом. Он, лелея планы мести неведомому риэлтеру, пока что вполне обходился скудным пайком, который ему оставляли в столовой. Остатков первого и второго вполне хватало на два дня, третий, перед самой сменой, приходилось поголодать – но зато сразу после начала трудового дня Кондрат мчался в столовую и выходил через двадцать минут с тем умильно-блаженным выражением лица,

которое осеняет только сытого человека. Славе было неведомо, на что он пил – но, помня свой большой путь, удивляться не приходилось. Желаящий выпить притягивает к себе возможности, как магнит железные опилки. И первую половину дня Кондрат проводил в сытой неге и ленивом прощупывании возможностей, зато уже после обеда испитое лицо с вытянутым носом розовело, стеклянистые глаза приобретали небесно-голубой, влажный оттенок, и дурашливая улыбка сама собой наползала на губы.

Кондрат знал, что его непьющий напарник любой прекрасной, с обильной водкой и доступными сестрами компании предпочитает уединение и добровольно сваливал, как только начальство разъезжалось домой, на этажи.

Там его всегда можно было найти за одним и тем же занятием – рука с зажатой вилкой или ложкой вознесена к небу, глаза горят в пылу обличительного азарта. И его умильно слушают кормящиеся возле стариков тучные теткы неопределенного возраста...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.